

Повернення до Альма-матер

УДК 55 (092)

Тешкин Юрий Александрович – геолог и писатель

Юрий Александрович Тешкин родился в 1937 г. в г. Ярославле. После окончания геологического факультета Криворожского горнорудного института работал геологом на Крайнем Севере России, на Дальнем Востоке, Кольском полуострове в Казахстане, на Тянь-Шане. Занимался разведкой и поиском многих полезных ископаемых, включая важный по тем временам уран.

Начал писать, еще будучи геологом. Сначала робко и трудно. Потом много и все более профессионально. Когда переехал в Москву, показал свои рассказы Юрию

Трифонову. Получил добро на литературный труд. Юрий Трифонов посоветовал ему поступить на Высшие литературные курсы при Литературном институте. Позднее назвал его своим учеником. С этого времени он ушел из геологии и писал до последних своих дней в 2011 г.

Перу Ю.А.Тешкина принадлежат несколько романов, повестей, крупных публицистических произведений: «Индивидуальная беседа» (Москва: Советский писатель, 1984.– 288 с.); «Нуждается в твоей помощи» (Москва: Современник, 1986.– 301 с.); «Весь день метель» (Повести. Москва: Современник, 1986.– 320 с.); «Полковник» (Романы. Москва: Советский писатель, 1991.– 528 с.); «Андропов и другие» (Ярославль, 1998.– 447 с.); «Ярослав Мудрый и русская правда» (Москва: Вече, 2002); «Иосиф Великий и Тайный монастырь» (Москва: Вече, 2003.– 480 с.) «От Схарии до Берии» (Москва: Вече, 2010.– 544 с.).

Ю.А.Тешкин был лауреатом литературного конкурса газеты «Труд», получил премии журнала «Наш современник», газеты «Литературная Россия». За роман «Юрий Андропов и другие» был награжден медалью и премией КГБ СССР. Сотрудничал как журналист

с «Литературной газетой», журналом «Наш современник», другими журналами и газетами. Был бессменным редактором созданного им альманаха «Болшево».

Ниже мы публикуем отрывок из повести Ю.А.Тешкина «А у мамонта глаза очень голубые», опубликованной в издательстве «Писатель» (Москва, 2010 г.). В повести описаны годы учебы автора в Криворожском горнорудном институте.

Юрий Тешкин

А У МАМОНТА ГЛАЗА ОЧЕНЬ ГОЛУБЫЕ

(отрывки из повести)

Друзьям моим посвящается
(РМ-54-1)

Первая лекция

Первые дни занятий – суматоха, мельтешение. Какие-то отливы-приливы, носятся по институту толпы первокурсников. Их сразу видно – они пока без формы. Форму мы получим на втором курсе. Но главное отличие – растерянность на наших лицах. Мы никого и ничего пока не знаем в этой непостижимо громоздкой организации, имя которой – Криворожский горнорудный институт.

Я, правда, взял себе на заметку одного парня с очень рыжей головой. Он в нашей группе, зовут Пашкой. Теперь стараюсь не выпускать его из виду. Он не торопится, и я прогуливаюсь поблизости. Он спешит куда-то, пробивается, работает плечами и локтями. И я за ним, конечно. Что? Буфет. Тем лучше. Значит, между парами большой перерыв, можно поесть пирожков с повидлом, кефирчику выпить.

– Привет!

– Приветик!

– Паш, слышь, что у нас следующее, лекция какая?

– Общая геология. Дед читает!

– Ого!

– Еще бы!

Еще полная неразбериха с предметами, которые нам читают, но уже общая геология выделилась, стала любимым предметом. И всё потому, что ее читает Дед Смирнов – личность необыкновенно светлая. Маленький, сухонький и какой-то лучезарно-доброжелательный. От сверкающих всегда ботинок, от ярко-красных лампас на форменных

горняцких брюках, от начищенных всегда пуговиц мундира до яркоголубых глаз, разглядывающих нас с любовью и теплотой. Он не вошел к нам на первую лекцию, а жадно, распахнуто как-то ворвался. И долго с кафедры разглядывал нас, покручивая белый ус.

– Коллеги...

Первое слово, которое он произнес.

Профессор, доктор наук, генерал от геологии, почетный член Лондонской и Парижской Академий, прошедший своими маршрутами в пустыне Гоби дальше, чем сам Козловский, он в чем-то видел нас уже геологами! «Коллеги!».

А может, с первых шагов хотел привить нам демократизм, свойственный большим ученым, художникам, артистам, вообще большому искусству. Ведь геология – где-то на стыке производства, науки, искусства, и неизвестно – чего в ней больше.

Личность Деда сразу стала для нас легендарной. И от наших преподавателей, и от старшекурсников с первых же дней мы много слышим о нем самого странного, яркого, донельзя нам симпатичного. Дед ходит получать зарплату с хозяйственной сумкой. Он отказался от легковой машины, которую как генералу ему предоставило институтское начальство.

Да и сами мы видим, как Дед снимает шляпу, здороваётся с уборщицей. Деду для научных исследований как-то понадобилась пара древних рыб, панцирных. Ну, жили такие в доисторическое время. Он просит их у нашей Академии наук. Ему отказывают. Тогда Дед, как настоящий ученый, едет куда-то в Среднюю Азию, копается там все лето в древних отложениях и находит сразу двадцать экземпляров этих редчайший рыб! Себе берет пару, а остальных дарит безвозмездно в Лондонскую и Парижскую Академии. Поделил поровну. Чтобы без обиды. И те, естественно, избирают нашего Деда почетным членом своих Академий.

Дед не согласен с самим академиком О.Ю.Шмидтом по вопросу о происхождении Солнечной системы. У Деда собственная гипотеза на этот счет. Спор с уважаемым академиком, как будто бы, закончился каверзным вопросом Деда:

– А вы сами, Отто Юльевич, верите в свою теорию?

– Я верю в математику, – уклончиво отвечал академик.

Только дураку не ясно, кто победил в этом принципиальном споре.

У Деда собственная гипотеза о происхождении жизни на Земле. Причина появления жизни – нечто, на наш взгляд, странное, как, впрочем, и все, что касается Деда. Причина – это солнечный свет, принесший первую живую клетку из Космоса на Землю.

Дед высмеивает английский – «так называемый язык». Это по Деду – ужасный суррогат немецкого и французского.

Дед смело ломал на наших глазах незыблемые устои.

Дед – образец принципиальности настоящего ученого.

Вступая с нами в споры, он ни разу не подчеркнул своего превосходства. Ни тоном, ни взглядом. Он, казалось, оставлял его где-то там, на академических, недостижимых высотах, на пыльных полках, где выстроились в ряд тяжелые фолианты с золотыми корешками. С нами он был безоружен и весел. Именно это и вызывало в нас какую-то беспокойную раскачку мысли. Ох, и нелегко же было от привычного школярского перейти на какую-то танцующую, акробатическую порою деятельность мысли! На прыжки, пируэты, головокружительность на вертикальной стене.

– Земля вертится оттого, дорогие коллеги, что в самом центре ее, в ядре как в колесе бегают беспокойный бельчонок и раскручивает Землю. Что? Не так? Ваши доводы, студенты. Попробуйте меня опровергнуть.

Впечатление от его лекций – это не просто восхищение от смелости суждений, оригинальной логики. Нет, это, прежде всего, упоительность от того, как быстро наш мыслительный аппарат сбрасывает какой-то застой, включает вторую, третью скорость. Упоительна радость от возможностей человеческого мышления, гордости за человека – царя природы.

От всей личности Деда исходит какое-то ощущение святилища, храма науки, этого высокого прекрасного жертвенника. Еще не отдавая себе отчета, мы уже чувствовали, каким обязан быть человек, вступающий в этот храм.

Мы с нетерпением ждем его лекций, испытываем благодарность за них. Ведь на наших глазах от первой подвернувшейся идеи с бельчком, бегающим в центре Земли, через две-три следующие, все более сложные, все более наукообразные, Дед легко и изящно подводил нас к логически ясной действительной причине вращения Земли. Он, словно маг, на наших глазах превращал простую воду в эликсир молодости, а глину – в философский камень, которым достаточно к чему угодно прикоснуться – все чистым золотом обернется.

А как рисовал наш Дед! Он специально приносил разноцветные мелки и в пять минут превращал доску в удивительную картину. Геолог должен уметь рисовать! Он все должен уметь делать!

Лекцию Дед начинал всегда неожиданно, не призывал к тишине, как другие. Он говорил:

– Раньше были философы, сейчас перевелись. Почему? – спрашивал нас.

Мы не знали.

Дед говорил:

– Кенгуру, как всякое сумчатое, животное третичного периода. Но вот живет сейчас в Австралии. Почему?

Мы не знали.

Дед говорил:

– На Шпицбергене каменный уголь. Это значит – там было когда-то жарко, были тропики. Где же был тогда Северный полюс?

Мы не знали. Сидели с открытыми ртами, слушали, забыв конспектировать. А мир, окружающий нас, все раздвигался, раздвигался. Становился все интереснее, привлекательнее. Гордостью наполнялись наши сердца за геологию – прекрасную науку о Земле, на которой еще столько неразгаданных тайн. И как это славно, что именно нам в недалеком будущем предстоит разгадывать эти тайны...

Подготовка дипломного проекта

В этом семестре у нас отчет по практике, а уже с Нового года занятия заканчиваются, будем писать дипломный проект. В мае – защита. В отчет я хотел бы внести результаты опытов по выщелачиванию горных пород. Но для этого надо сделать сотни анализов, а я за раз могу лишь восемь колб поставить кипятить. К тому же мне пришла в голову неплохая мысль – провести выщелачивание с использованием разных щелочей. Я сходил на кафедру химии и у профессора Лемищенко получил необходимые реактивы. Интересно, что у меня получится?

А получились у меня несколько геохимических карт выщелачивания рудовмещающих горных пород по разным химическим элементам. Стал накладывать их на структурную карту девятого участка моего Кафанского месторождения, для которого я проанализировал сотни три образцов. И что же, если взять за основу калий, то геохимическая обстановка почти полностью совпадает со структурной картой участка. Я очень обрадовался такому результату. Значит, не зря я возился с этими колбами, кипятил по шесть часов подряд свои пробы. Я написал, как и обещал, Петросяну в Кафан, послал результаты химических анализов. А потом в темпе закончил отчет. Данные по геохимии войдут в мой дипломный проект. Считай, одна глава у меня уже есть.

Введение к диплому я написал, первую главу, «Геологическое строение девятого участка» написал. Четвертую главу, геохимию, значит, как и рассчитывал, возьму из отчета, она уже прошла на «отлично». Смело вставляй в дипломный проект. Работа неплохо продвигается, иду с опережением графика. И все же ощущение какой-то неопределенности не оставляет. Калий мне просто покоя не дает. Или я что-то напутал, или... Я начинаю догадываться, почему калий меня тревожит. Ведь нет никакого калия в пробах девятого участка! На девяносто процентов горные породы состоят из плагиоклаза, а это натрий, значит, а не калий!

Так во время дипломирования мне все чаще начала приходит мысль об эфемерности славы ученого, о ее мимолетности. Как все

неустойчиво в мире науки. Вот я: не успел так прекрасно вынести на геохимические карты аномалии калия, как этого калия в породах не оказалось – один только натрий. Грустно все это...

Художественная самодеятельность

В декабре я выступал на институтской спартакиаде. Конечно, в следующей весовой категории. Наша команда борцов заняла первое место. На скалах у нас всегда – первое. По баскетболу, где Пашка заправляет, тоже первое. А вот общее по спартакиаде – второе. Горняки опять обошли.

Зато по художественной самодеятельности, смотр которой проходит под Новый год, у геологов по традиции лучший концерт. Когда выступает наш факультет, в зал не пробиться, дружинники на дверях стоят. Все годы наша общежитская комната была в числе зрителей, а тут, на пятом курсе, Пашка сагитировал выступить и нас. В концерте мы выступаем со сценкой из альпинистской жизни – «холодная ночевка».

Открывается занавес. На сцене стол, изображающий уступчик на отвесной скале. Мы схватили холодную ночевку. Не успели спуститься в лагерь, к костру, к пуховым мешкам. Так бывает. Ночь. Луна – зеленоватая лампа. Мы – на уступчике, кто в чем: кто в шортах, кто в плавках, Шкурский в тельняшке, Пашка в темных очках, у меня к босым ногам прикручены железные кошки. Мы трясемся от холода так, что стол, изображающий уступчик, ходит ходуном. У нас текут сопли, мы стонем и жмемся друг к другу.

– Тебе хорошо, тепло, – говорю я Пашке, – ты все же в очках!

– А зато ты в кошках, – отвечает он.

И дальше в том же духе, под стоны и всхлипывания. Потом Шкурский тянется дрожащей рукой за гитарой и ужасно жалобным голосом вопрошает зал:

– Зачем оставил я штормовку,

Палатку Здарского не взял?

И тут же наш простуженный, охрипший хор подхватывает:

– Па-а-пал я бедненький в холодную ночевку,

И холод косточки мои сковал...

– Моим мученьям нет предела.

Терпеть уж больше мочи нет, – скорбно тянет Шкурский на мотив известной во времена нэпа песенки «Пойду в аптеку, куплю я яду...».

Наш хор вступает душераздирающе:

– Ай-вай-вай-вай-вай... скорей бы солнце встало!

Скорей бы наступил рассвет!

Нам долго хлопали, кричали «бис». И мы уже без всяких сцен просто так спели про кузнечика, который сидел на Муромской

дороженьке. «Пират, забудь про небеса» спели. И, конечно, нашу любимую – «Баксанскую»: Там, где снег тропинки заметает, где лавины грозные шумят... А нас просили петь еще и еще. Было так хорошо и немножко грустно оттого, что уже отходит все – и песни, и альплагеря, а главное – вся эта студенческая прекрасная пора, которая, оказывается, пролетела – не успели оглянуться...

*Публикацию подготовили:
Грицай Ю.Л., Евтехов В.Д., Евтехов Е.В.*

*Надійшла до редакції 30 серпня 2011 р.
Представив до публікації проф. А.І.Каталенець.*